

Михаил
ЗУЕВ

БЕЛЛАДОННА

Михаил Борисович Зуев

Белладонна

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51079275

SelfPub; 2020

Аннотация

Повесть, написанная почти сорок лет спустя. Об утре жизни. О пьянящей красоте молодости. О любви. О выборе. 1982-й. Москва. Двадцатилетний «почти уже» врач, студент-пятикурсник медицинского института, уезжает на летнюю врачебную практику в дальнюю районную больницу, открывая для себя не только ценность и мимолетность человеческой жизни, но – себя самого. «Остался последний вопрос. Кем возвращаюсь я?».

От автора романов «Патч. Канун» и «Патч. Инкубус». Первая книга новой тетралогии – «Белладонна».

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	37
Конец ознакомительного фрагмента.	60

*Oh Belladonna never knew the pain
Maybe I'm crazy; maybe it'll drive me insane
The open letter just carelessly placed
And you move in silence,
The tea so delicately laced
Out of reach, out of touch
How you've learned to hate so much*

Phillip John Mogg, «UFO»

Глава 1

Тёплое нежное влажное, урчаще повизгивая, продолжало обрабатывать нос, губы и щёки. Защищаться не было сил. Оставалось, зажмурившись, лишь уворачиваться. Получалось плохо.

– И...-и-а-а-а... у-и...-и...-а-а...-у-у-й!..

Мой сухой склеенный рот, жёсткий как наждачка, через силу, капля за каплей, наполнялся кислой вязкой слюной. Наконец, язык смочился и хотя бы теоретически вернул способность к членораздельному звукоизвлечению.

– Поднимите ему веки! – злобно рыкнул из Марианской впадины черепной коробки, откуда-то между мозолистым телом и мозжечком, Джинн. Парализованные тяжёлым хмельным забытьём глазные заслонки дрогнули, заскрипели, поехали вверх-вниз по направляющим и, наконец, нехотя размежились.

– Кв-в-и-и-и-нта, Квин-та, уй-ди нахуй!

Когда-то – до начала всемирной истории – белая, а теперь банально грязная нестриженная болонка неуклюже, жопой вперёд, спикировала с моей груди на сомнительной чистоты кухонный пол, оставляя на коже когтями немедленно вздувающиеся саднящие багровые полосы. На грудь больше никто не давил. Но это не помогло.

Я был – как вязанка трухлявого хвороста – свален на ко-

ротющий уголковый диванчик, вдавившись вспотевшим от клеёнки затёкшим затылком в самый его угол, помещаясь на обитой потёртым кожзамом лавке лишь верхней половиной скрюченного неестественно вывернутого туловища. Правая голень опрокинутой кеглей валялась по полу. Левая нога, согнутая в колене, упёртая саднящей предпролежневой пяткой в боковину скамейки, при попытке пошевелить её немедля отозвалась покалыванием тысяч раскалённых кнопок, иглолок, заноз и булавок.

– And still they begin, needles and pins! Because of all my pride, the tears I gotta hide!¹ – всё там же, недалеко от мозжечка, хриплым голосом Криса Норманна проявлял вокальный талант мой глумливый Джинн.

– Джинни, и тебя тоже – на хуй! – всё, на что меня хватило, было только огрызнуться.

– Ах, так! – обидевшись, чудовище немедля пнуло мне костлявой ногой прямо в мозжечок. Кухня закружилась и поехала каруселью во всех трёх взаимоисключающих измерениях.

Преодолевая дурноту, я уцепился левой рукой за спинку диванчика, упёрся правой пяткой в пол и, сделав над собой нечеловеческое усилие, сел, покачиваясь от устроенной Джинном свистопляски в моей юной, гулкой и пустой голове. После наведения периферического отдела зрительного

---

¹ И снова они – иглы и булавки! Это всё моя гордость – слёзы, которые я должен прятать!

анализатора на резкость, в сознание супротив моей воли стали пролезать непонятные буквы с этикеток пяти или шести пустых пузырей, в беспорядке валявшихся на столе и почему-то строгим квадратом выстроившихся под столом. Р-р-р. Эр. Р...у...о...у... – руоу... дэ-йе. Де. «Руоу де»? Ч-чѐ за на-на?!

– Вьетнамская, рисовая, не лимонная, не анисовая... Сорок пять оборотиков, хороша... для невротиков, ой, горы-ы-ыть, не потухнет, с неё репа не пухнет!.. И чиста, как слеза, заливай... – тут паршивец с голосом Водяного из «Летучего корабля» явно замешкался с рифмованием, – ...в тормоза!

– Бля-я-а... – только и смог выдавить я.

– Ты там поправься-подлечись, мне отказать не торопись! Тут осталось немножко, будет ладною дорожка... – Джинни стал неожиданно великодушен; видно, не обижался больше на непутёвого подопечного. Я промолчал, обречѐнно борясь с подступающей тошнотой.

Коридорчик между кухней и пяточком прихожей, оклеенный замасленными обоями в клеточку – слева сральник с писающим мальчиком на двери, дальше ванная, вкусно пахнущая польским мылом, справа же глухая стена – коридор почти не качался и не двоился. Уже неплохо.

– Фил-л-лософ! Сенека! – заржал Джинн. Мне захотелось сказать пару ласковых, но сдержался. И не зря.

– Под ноги смотри! – крикнул Джинни. Я замер как вкопанный, переводя взгляд с писающего мальчика на рябой ли-

нолеумный пол. Точно, лужа. Прямо по курсу. Сейчас бы растянулся – с размаху. Спасибо, Джинни. Спасибо, ангел. Пойду за тряпкой.

– Нажрутса же, малолетки, хуже свиней... Да, хуже! А бедное животное со вчера не гуляно! Вот и не удержалась старушка, – тихо проворчал Джинн.

Юрастый – щуплый, субтильный, в аккуратно отглаженных брючках и маечке-алкашке, – сложился штангенциркулем на неразобранном диване большой комнаты. Кожаные домашние тапочки аккуратно стояли рядом с изголовьем.

– Юр, а ты-то откуда тут? – хрипло прокашлял я.

Юрастый с видимым усилием приоткрыл левый, ближний к плоской бархатной подушке, глаз:

– Михал-лч, ты чё, балдой съехал?

– Не, Юр. Я серьёзно.

– Не понял?..

– Ты вчера сказал, идёшь гулять. И ушёл: в тапочках, майке, без рубашки и без портфеля. Я за тобой сам закрывал.

– И?..

– Так я тебе потом не открывал.

– Слышь, не пизди, Демосфен.

– Ты без ключей был!

– Ну?..

– Ты как обратно попал? Восьмой этаж же! – я рывком распахнул дверь в маленькую комнату. – Лёх, это ты Юрастому открыл?

– Никому я не открывал, – Лёха нежно, медленно, аккуратно, по стеночке поднимал свои сто пять кило мышц со скрипучего супружеского дивана, – бл-л-лин, а головка-то бо-бо...

– Денежки тю-тю! – скабрёзно проорал из гостиной Юрастый. «Во рту – кака», мысленно закончил я.

Притихший Джинн лишь тяжело вздохнул.

* * *

А ведь вчера ничего не предвещало. По крайней мере, для меня.

С утра – понедельник. Отъезд в четверг. Это три дня. В понедельник у Дашутки, во вторник на кафедре, в среду дома – ну, собраться там, с родителями попрощаться на полтора месяца. Всё как у людей, без бега, без спешки, без подпрыгиваний. Всем сёстрам по серьгам.

Но в семь позвонила Светка. Она староста – это раз, и она на восьмом месяце – два. Так и так, выручай, за стипой идти не могу, чуть ли ни госпитализируют – ты в бухгалтерии по списку дублером, так что тебе на Пироговку и ехать, только паспорт не забудь, а то...

У меня что – были другие варианты? Отказаться? Тогда вся группа без стипухи. А на этот раз не только стипендия сразу за два месяца, так ещё и деньги за практику. Значит, все без «большой» стипы и без подъёмных. И что тогда будет? А вот что: Светка – больная и беременная, она ни при

чём, а я – козёл. Так что ли?! Нет уж, не дождётесь.

Собрался, бутер с сыром в топку, руки в ноги, ноги в руки, и на Пироговку. Очередь в кассу аж на улицу. Жарко, сил нет. Конец июня, а уже пекло. В Москве такое редко, но тут, видать, повезло. Я занял, следом Ерошкин с «Б»-потока подходит, я ему – будешь стоять? Он – буду. Я тогда говорю: постой без меня пятнадцать минут, оно и так далеко не уйдёт, а я пока квасу схожу тяпну, пересохло всё. Ну и пошёл – за квасом: на Абрикосовском на углу с Погодинкой летом всегда бочку ставят. Иду мимо кирпичного корпуса ВНЦХ – опа, Лёхус выкатывается. Ну, здорово-здорово, ты откуда? – с дежурства в ГБО², только сдался. Я говорю, молоток, сеструн, он – конечно, осталось пол сменить, и вообще ништяк... Я – зачем? Он: да ебали всю ночь, даже не присел ни разу. Я спрашиваю: квас будешь? Он – ну, пошли.

Минут где-то через двадцать, наквашенные прям до отрыжки, подходим к очереди в бухгалтерию – ни фига себе, продвинулось как! Ну мы, по стеночке, по стеночке, по лесенке, в зал на второй этаж. Я иду, башкой кручу, тарашусь – Ерошкин, он же мелкий, его в толпе хрен с два разглядишь. Вдруг Лёха меня за рукав – аллё, гараж, это не Ерошкин там?! Точняк, Ерошкин! Которые сзади орать начали, типа «вас здесь не стояло», но тут Ерошкин – он такой солидный, отглаженный, при галстукe: девушки, не шумите, Дёмин занимал, всё правильно. А Сюртуков – девки, вам бы

---

² Отдел гипербарической оксигенации Всесоюзного научного центра хирургии

лишь бы поорать, а мы тут с устатку, после дежурства, пожалейте работяг!

Короче, нагрузили меня в кассе деньгами под завязку, ведомость дали. Деньги раздать, подписи собрать, ведомость в окошко вернуть. Наши уже подтягиваются. Смотрим – Юрастый чешет, как всегда, с «дипломатом». Мы ему говорим: Юр, а давай, как самый старший, сгоняй за пивом в угловой, там точно должно быть, да и ты при «дипломате», четыре бутылки точно влезет, а что не влезет – вот, на тебе авоську.

Я на лавочку сел, деньги раздавать, Юрка отвалил, Лёха стоит, курит. Ну, стипендию раздавать – это не комсомольские взносы собирать, тут всё быстро. Однако смотрю: Бабочкина не приехала, зараза. И как мне теперь ведомость отдавать? Я Таньке Лисенко говорю: Тань, распишись за Бабочку, один хрен у неё закорючка непонятная, а не подпись, и деньги за неё возьми, в четверг всё равно вместе ехать, отдашь ей. Танька согласилась: Лисёнок – она безотказная, тихая, добрая, за все четыре года от неё ни разу подлянки не видел. Я тогда сразу бегом на второй этаж ведомость отдавать: возврат-то без очереди.

Тут, пока я бегал, Юрастый подгрёб, довольный. В портфеле четыре и в сетке ещё две. Решили, для начала, по одной, и в «стекляшку» на Аллее Жизни, пельменей поесть. Позволить-то можем себе теперь – пельменей, а не в тошниловку студенческую переться; при деньгах ведь. А тем временем, долго ли бутылку «жигулей» уговаривать, да ещё по

жаре? Пара-тройка глотков – и нет её. В пельмешке взяли три двойных, по стакану сметаны, яиц вкрутую. Горчица хорошая, ядрёная, видать, только что развели из порошка. Едва пиво достали – буфетчица в ор: «немедленно уберите, такие-сякие, милицию вызову!». Мы бутылки попрятали, доели по-быстрому. Вышли из стекляшки, стоим, курим.

Я спрашиваю – кто куда? Юрастый говорит, я быстро в «шестьсоткойку» забегу, и домой, в Апрелевку. И мне: Дёма, а ты? А я даже и не знаю. Хэ-зэ, отвечаю, дорогой товарищ. Сам думаю: дома делать нечего, эти опять меж собой посрались, что же мне, как всегда, весь вечер напролёт гнилую бодягу слушать? Да и к Дашутке что-то расхотелось. Вот не лежит душа, и всё тут. Стою, кольца дымовые пускаю – недавно только научился, потому не для выебона, а для тренировки. Тут ещё Джинни сопит тихонько: ты ж ей обещал. А я кольца пускаю, вид делаю, что не слышу. Он опять: ну хоть пойди, позвони человеку, чтобы не ждала. Я снова в несознанку. Погундел-погундел Джинн, да и замолк.

Тогда Лёшка туза на стол: у меня все с утра на даче на Пахре, а собака дома одна. Я спрашиваю: а чего не взяли с собой? Так, отвечает, они всего-то на полтора дня уехали, что-то им там надо; я всё равно остаюсь, да и зачем животное по электричкам туда-сюда таскать, старая она, больная, неровён час, подцепит что-нибудь, или просквозит её. Так что – если хотите – поехали, у меня до завтра всё равно свободно. Только в холодильнике, наверно, шаром покати, зата-

риться бы не мешало.

Вышли на «Новогирееве», в универсам рядом с «Кишлаком»³ было тыркнулись, да лишь дверь и поцеловали – «закрыто по причинческим технинам». Ну, давай по району шарить, где чего. Картошки в овощном набрали, грязная, с комками земли, но вроде не особо гнилая. Колбасы нет нигде, зато в одном месте тушёнку выбросили и селёдку из бочки тоже взяли; а что? – нормально вполне, особенно когда жратушки охота. Пельмени уже в топку провалились, надо бы повторить чем-нибудь. В винном толпа, в наличии только перцовка да портвейн «три семёрки» – ну, раз уж зашли да отстояли, так что скромничать. Достойно взяли, достойно.

Пришли, Лёшка сразу с собакой на улицу – шашь, и нет его. Кинули на пальцах, кто картошку, а кто селёдку чистит. Юрка с картошкой быстро разобрался, сидит с портвешком, меня подзуживает. Мне, как всегда, повезло выше крыши – стою весь в селёдочной требухе, разделяваю. Палец порезал. Неглубоко, а противно. Лёшка вернулся, себе и мне налил. А мне что толку – я в рыбьем говне, руки липкие, жирные, того и гляди стакан выскользнет. Он тогда – Дёма, давай я тебе стакан-то подержу. Держит, я присосался, сразу жизнь веселее. Вот настоящий друг, не то что Юрастый с тупыми подъёбками.

Тут в дверь – дзынь! – Семёнов, Лёшкин бывший одноклассник. Здоровенный лоб, регбист. Пить, говорит, с вами

---

³ Народное название кинотеатра «Киргизия».

не буду, играем завтра, но я не с пустыми руками – и достаёт из пакета «Белый альбом», битловский. Ну надо же, я ведь его никогда живьём и не видел! Спрашиваю: купил, послушать дали? Он – купил! Я – «фирма»? Он – «не, балкантоновский».

Как-то оно всё подозрительно хорошо пошло, но спустя время оказалось – мало. Перцовка вообще всегда быстро кончается, «три семёрки» с напругой идут, но на безрыбье сам раком встанешь; глядь, вот и семёркам трындец настал. Как там Лёшка всегда ржёт? – «книжки почитали, обложки сдали, ещё книжек взяли, снова почитали». Засунули пустую тару в авоську, побрели к «Кишлаку». Я помню, меня кидаёт, да, есть такое дело, но вроде не особо сильно. Ещё помню, универсам возле «Кишлака» открыт уже оказался. Потом помню, но смутно, я с продавщицей базарил – мол, меняй наши пустые на полные. Что?! Какие, на хер, деньги?! Так меняй!

А потом – не помню. Ни как Семён отвалил, ни как вьетнамскую уже голяком без закуси жрали, ни куда Юрастый делся. Нашёлся – и ладно.

Нельзя так пить. А тогда – как можно?! Если тебе двадцать, ты окончил четвёртый курс лечфака, из сессии в сессию – круглый отличник, но у тебя нет денег, дома тебя не ждут, а жизнь кругом – дерьмо?!

Похожий на Элвиса Лёшка, отсвечивающий мокрыми после душа волосами, напевая под нос «лав ми тендер» варил на кухне макароны. Юрастый, судя по звукам, окучивал толчок.

– Позвоню? – спросил я Лёху.

– Звони.

– Ты не понял, мне... мне... ну, в общем, конфиденциально.

– От же ж ты мудила, Дёма! Из коридора телефон – берёшь, вытыкаешь. В дальнюю – несёшь, там за моим диваном розетка, диван отодвигаешь, втыкаешь.

– Я знаю.

– А если знаешь, хули спрашивать?!

Я закрыл за собой дверь. Из-за задёрнутых красных штор сквозь открытые настежь окна в комнату лупил безумный утренний июнь. Сел на пол, закурил, стал – зачем-то карандашом – набирать номер. Не группа, а зоопарк какой-то: Лисенко, Бабочкина, Ласточкина.

* * *

...да, Ласточкина. Тогда, в конце восьмьдесят первого. Странная история. Три года в одной группе, на соседних партах. Привет – пока. А тут, утром, пришёл в институт, и с какого-то перепугу – увидел её, вполоборота, в гардеробе, с дублёнкой в руке. Впервые – разглядел. Волосы растрёпаны, капельки пота на высоком лбу. Блондинка из «Тегерана-43».

Только – не в кино.

Увидел – и всё. Без слов, без сил, без чувств, без памяти. Через неделю – её день рождения. Пригласила. Не понимала ведь ничего. Пью – а не берёт. Никого не вижу. И её – не вижу. Смотреть больно.

Потом – нужно реферат писать. По философии. Как всегда – подходит, смеётся. Поехали, говорит, ко мне, ты же знаешь, что я в философии ни бум-бум. Приезжаем. Дома пусто. Кофточка кружевная, тёплая. Парфюм какой-то крышесносный, от родителей из загранки. Стол маленький. Локоть к локтю. Четыре часа пытки. Зачем ты так мне улыбаешься? Руки дрожат, куртка не застёгивается, спиной в дверь, бегом вниз по лестнице с седьмого этажа.

Ещё неделя тихого беспамятства. Вечер. Холодно. Морозно. Роза в руке, кровь на ладони запеклась, уже не капает. Тёмная, всеми ветрами продуваемая улица. И шаги по дорожке – вперёд-назад: час, второй, четвёртый. «Икарусы» дверями – пш-ш-ш...

– Ой, Дёмин!... Мишка, ты что здесь делаешь?

Правда, что я здесь делаю – в Чертаново, у последней черты, в декабрьскую полночь? Дома уже с ума сходят – не позвонил, не предупредил. И, цветком отгородившись, словно щитом – в проём самолётного люка, в неизвестность, в холодный свет фонарей, в блаженство:

– Маринка, я люблю тебя!

Двадцать минут горячей бессвязности. Блики её очков в

полутьме.

– Миш, давай зайдем ко мне. Позвони домой, чтобы родители не волновались.

– Маринка!..

– Дёмин, милый, хороший... я не люблю тебя.

Не понял. С первого раза не дошло. На каникулах попёрся к ней в зимний лагерь, хрен знает куда, четыре часа на перекладных в один конец. Зачем?! Никогда ни перед кем не стелился, а тут... Съехав крышей, поздно рассуждать о причинно-следственных связях.

Чего ждал? «Привет – привет». Если через час отсюда не обратиться, ночевать мне в лесополосе с волками, последний автобус и единственная электричка уйдут без меня. «Пока – пока». Повернулся и побрёл. Печорин, бля.

* * *

– Сигарету хочешь?

– Давай.

– Я – Даша.

«Даша – радость наша».

– Откуда ты, гимназистка? Сколько тебе? Судя по виду, за тебя больше лет дадут, чем тебе есть.

– Ты смешной.

– Ну да. Я охуенно смешной.

– Смешной. Даже когда ругаешься.

– Прости. Вырвалось.

– Ладно. Не за что. Я тоже ругаюсь. Иногда...

* * *

Ошибся в последней цифре. Карандаш соскользнул. На хера мне карандаш?!

– Аллё.

– Это я.

– Ты где?

– Недалеко.

– А вчера где был?

– Тоже... недалеко.

– Недалёкий ты, – так и слышу, как её лицо расцветает улыбкой. Точно, стоит, плечом к косяку, в правой – телефонная трубка, левой косу теребит. Она её всегда теребит, когда по телефону разговаривает.

– Недалёкий. Ты права.

– Приходи.

– Уже иду.

– Пирожки вчера испекла, остыли давно. Сейчас в духовку разогревать поставлю.

И никаких упрёков.

«И-ди-о-от!» – Лёликом из «Бриллиантовой руки» громыхнул Джинн. Со всем мне предъявленным безоговорочно согласен, мрачно кивнул я.

* * *

Когда она расплетает косу, я теряюсь. В ней, в себе, в жизни. Со мной раньше никогда так не было. Не было, потому что и быть не могло. Никак не могло: мою первую женщину зовут Даша. Ей восемнадцать, она на втором.

Время пошло. Двое свежеслепленных из вечной глины, с едва-едва вдохнутыми душами, в одном континууме – это не про позы и технические подробности. Это про гремучую смесь. Это про критическую массу. Это – про сотворение мира.

– Какой день сегодня?

– Наш... А что?..

Ты права. День теперь всегда один: первый.

Силуэт в рамке оконной рамы. Четыре утра. Не вижу тебя – зачем?! – и так без ошибки угадаю каждую твою ложбинку. За запотевшими стёклами ноет сверлящей невралгией больной стылый апрель, но ты всё равно: распахиваешь окно настежь – «дышать!»

– Тебе не зябко?

– Ну что ты... тепло!..

– Молока, молока возьми, не забудь! И опять ты без шарфа.

Когда у вас обоих исчезают имена, следом – прозвища, и остается лишь «ТЫ» —

на

два

а «я» оказывается вне закона — наверное, это серьёзно. Только как знать? — ведь всё в первый раз. Это же сотворение мира.

* * *

Небо над Курским бессильно прохудилось, но мне было наплевать. Из вестибюля метро я выбрался сразу в подвокзальный переход — там бликовали под тусклыми лампами некогда дневного света свежие лужи, — и вскоре взбежал по мокрой грязной лестнице на крытую платформу. Меж тощих лопаток по спине лупил холщовый рюкзак: туда мать засунула четыре банки с консервами, две пачки макаронных «рожков», бутылку подсолнечного масла, а ещё непонятно зачем — смену постельного белья и какую-то чушь по мелочам. Ручку оттягивал потёртый польский тряпичный складной чемоданчик с рубашками, свитером, бельём и коробочкой. В коробочке — на ней был оттиснут логотип «Филипса» с волнами и звёздами, — покоился предмет моей гордости, блестящая металлическими боками электробритва. Бритву подарил полгода назад мамин институтский одноклассник дядя Петя Ягубянц, только-только вернувшийся из очередной заграничной командировки. Для меня она стала больше чем просто бритва: это была единственная «фирменная» вещь в моем обиходе. Дядя Петя, человек разумный, приложил к бритве

толстую пачку сменных ножевых сеток. В наших магазинах таких не купить – а без сетки бритва превращается в бессмысленную жужжалку.

– Ага, в жужжалку для жопы, не жужжит и в жопу не лезет! – вывел меня из минутной задумчивости Джинни.

– Граждане пассажиры, электропоезд до станции «Петушки» отправляется от восьмого пути четвёртой платформы через пять минут...

Я стоял на раскисшем от заливающегося мимо крыши косяго дождя перроне. Его номером я, конечно, не поинтересовался. Без разницы на чём ехать: выйти предстояло на пятой по счёту остановке, её ни одна электричка с Курского вокзала никогда не пропускала. Можно садиться в любой состав – не промахнёшься.

– Н..ш электроп...зд пр..следует до ст...нции «Павл...ский П...сад» со вс...ми остановк...ми. Двери закр...в...ютс..., сл...дующ... платф...рм... «С...рп и молот»!.. – не приходя в сознание, бесцветным уставшим голосом прошипел скороговорку машинист – дежурный ангел железных дорог. Метеорической перистальтикой зашипел пневмопривод дверей.

н е п и с о т ь с я

– прочёл я на дверях справа. Отвернулся. Не тут-то было.

не слон я

– симметрично красовалось слева.

– Ещё варианты знаешь? – оживился было Джинни.

– Не прислонять! – рявкнул я, решительно пресекая продолжение беседы.

* * *

«Ожидание длилось, а проводы были недолги»⁴. Выглядела уставшей. Даже не так. Не уставшей – поникшей.

– Сессия тяжелая.

Слёзы едва заметны. Но припухлость вокруг глаз не спрятать.

– Ты чего? Плакала?

– Нет. Простыла. Наверное... – и секунду спустя: – А если да – тогда что?!

Джинни, что мне ответить?! Молчишь? Подлец.

---

⁴ Владимир Высоцкий, «Дорожный дневник».

– Ну... ты... я... я вернусь...

Господи, какой же идиот! Когда дыхания наши сбиваются, а под моими пылающими потрескавшимися губами с грохотом пульсирует её сонная артерия, – как мне быть умным?! Как?

– Дракула! – без жалости всадил иголку под ноготь Джинн.

– Я тебе... вот... – и протянула мешочек.

– Что там?

– Приедешь, открой.

«К...сково, следу...щ... Н...вогиреево»! – от «дымка» во рту – траурная горечь. И глаза щиплет. Отчего-то.

* * *

Лёшка куковал на платформе один. Рюкзак, чемоданчик и футляр. В футляре – я знал – заслуженный «гибсон», присланный тётей из венгерского Дьёря.

– Что, никого ещё?

– Как видишь. Мне пешком ближе всех. Дай петушка! – протянул руку. – Чего смурной?

– Да так. Пройдёт.

– Ну, раз пройдёт, значит, пройдёт.

Залез во внутренний карман потёртой облепленной нашивками и значками стройотрядовской куртки, протянул початую плоскую флягу дагестанского «три звёздочки»:

– Будешь?

– Буду.

Лёшка больше, чем друг. Он брат. Точнее, я бы хотел, чтобы он был братом. Чтобы меня родили не там, где родили, а вместе с ним, в его семье. И был бы я ему тогда младшим братом. Лёшка старше на два года, хоть и учимся в одной группе. У него мама, бабушка, жена-однокурсница на сносках и собака – все друг у друга на головах в малогабаритной двушке в Новогиреево с непрерывно грохочущими под окнами трамваями. У него и от него всегда надёжно и тепло. У меня – мать, отец и я в трёх комнатах в тихом – слышно, как муха пролетает, – подбрюшьё за Белорусским вокзалом. У нас всегда скорбно и холодно.

– Давно сидишь?

– Минут десять.

– Чего довольный такой?

– Нежданный расслабон...

– Ну?..

– Война заезжала за Наташкиными конспектами.

– Наташка сама отдать не могла?

– Не знаю, утром сказала – Война приедет, передай ей.

Галка Войнович училась вместе с Лёшкиной женой.

– И чего?..

– Да ничего, нормально всё... – расплылась сытая кошачья Лёшкина физиономия. – Знаешь, что самое прикольное?

– Не...

– Хей, Джонни, ты сел⁵, – пропел Лёшка. – Её муж привез!

– Да ну!

– Ага. Внизу в машине ждал.

– Долго?

– Что – «долго»? – масляно прищурилась хитрая котовья морда.

– Ждать долго пришлось?

– Я добрый. Оставил ему времени на пару сигарет... Быстро курить вредно, фактор риска по язве желудка.

К противоположной платформе причалила встречная электричка. Постояла, хрумящая компрессорами, застегнула двери и отвалила, открыв взору Таньку Лисенко. Справа и слева от неё красовалось по чемодану.

– Тань, а, Тань! – заорал я, – у тебя чего там в чемоданах?

– Учебники по политэкономии социализма! – отбила пас красавица Танька. И тут же, чуть тише: – Помог бы, Дёмин, балбес.

Поглядев налево-направо, я прыгнул на пути и несколькими секундами спустя был уже рядом с Танькой.

– Здоров, Танёк! Ну, правда, зачем тебе два чемодана?

– Родители еды нагрузили.

– Запасливая ты...

– А то!

Пока мы с Лисёнком и увесистыми чемоданами плелись в

---

⁵ Искаженное «Enjoy yourself», первые слова песни «Mister-Do-Right» диско-группы Belle Epoque.

противоположный конец платформы, поднимались на эстакаду, спускались с неё и снова возвращались в начало перрона, к нашей платформе пришвартовалась свежая электричка. Из неё вывалило человек семь, так же как и мы нагруженных чемоданами, авоськами и рюкзаками. Лёшка помахал. «Мешочники», ухватив поклажу, нестройно потянулись по платформе к нему. Я рассмеялся.

– Чего ржёшь? – поинтересовалась Танька.

– Да посмотри на него! Вылитый Колосс Родосский!

– Похоже, все в сборе. Табор уходит в небо! – Юрастый пожал протянутую мной руку. – Наша электричка когда?

– Лёшка знает, – произнёс я, многозначительно вздымая палец к небу. – Он тут местный.

– Через... – Лёхус близоруко вскинул к лицу запястье с новыми «полётовскими» часами – через двенадцать минут, если не врут.

– А ехать сколько? – спросила хрупкая Бабочкина.

– Час двадцать до пересадки. Потом ещё где-то полтора. И автобусом полчаса.

– Херасе... – пробурчал под нос Юрастый.

– Это ж когда мы приедем? – заволновалась Бабочкина. – Ещё поселиться надо. А вдруг все уйдут...

– Лен, не паникуй раньше времени! – Маша Сапожникова достала из сумки тетрадку и что-то в ней внимательно изучала. – Вот, у меня все телефоны: и общий больничный, и главного врача, и общажный. Вчера же сказали в деканате:

все предупреждены, будут ждать, на улице не окажемся.

– Ну ладно, Машунь... – Ленка с благодарностью взглянула на подругу. – Ты меня всегда успокаиваешь.

– И ты меня, – Маша взяла Бабочкину под руку.

– Короче! – прорезался командный голос Лёшки. – Сейчас подойдет наш дилижанс. Вещей до и больше, стоянка с гулькин хрен. Применяем разделение труда: Дёмин и я на подаче, Юрастый держит двери, если вдруг что. Азат и Мамед – на приёме чемоданов. Понятно?

– А мы? – в унисон спросили Грязнова с Лисенко.

– А девчонки быстро самыми первыми заходят в вагон и забивают самые лучшие места, пока мы тут грузимся! Лэдиз фёст!⁶ – рассмеялся я. Лёшка солидно кивнул.

* * *

Из Машкиного магнитофона тихонько пиликала «Маргерита»⁷. Я прислушался, не понял и с немым вопросом взглянул на Машу, сидевшую через проход.

– Чего, Миш? – спросила она.

– Машунь, а кто это?

– «Массара».

– Что, и они тоже? Думал, только Бони-Эм⁸...

---

⁶ Дамы вперёд (*искаж. англ.*).

⁷ «Маргерита (Фелисидад)» – популярная дискотечная песня, хит конца 70-х – начала 80-х годов.

⁸ Massara, Boney M – популярные исполнители в 70-х и 80-х годах.

– Так всё наоборот! Это же массаровская песня, а «Бони» её только перепели.

– Спасибо, Машунь, не знал...

Юрка с Лёшкой играли в очко. Я поначалу примкнул к ним на две партии. Оба раза сдул – картёжник из меня ещё тот, – а теперь просто сидел как мебель, глядя попеременно то на «дипломат» на Юркиных коленях, где разворачивалась очередная баталия, то сквозь запылённое, с неотмываемыми ржавыми пятнами, оконное стекло. Было жарко. Не так давно оборвавшийся дождь, нет чтоб высохнуть, завис над полями белёсым кисельным маревом – от одного его вида между лопатками заструился пот.

– Батя вчера «зáпор»⁹ девятьсот шестьдесят восьмой из магазина пригнал! – довольно вещал Юрастый.

– Поздравляю! – привстал я с места, протянув руку. – Цвет какой?

– А цвет там всегда один, – куркулём хитро прищурился Юрастый, – бери что дают, или нахуй иди, вот такой и цвет!

– А всё же?! – упорствовал я.

– Белый.

– Долго в очереди стояли? – спросил Лёшка.

– Два года без одного месяца.

– И почём? – поинтересовался я.

– Три семьсот пятьдесят сама машина. А ещё секретки на колёса, чехлы, линолеум на пол, канистру пустую надо,

---

⁹ Автомобиль «Запорожец».

приёмник. Короче, почти три девятьсот.

– А гараж есть? – продолжал облизываться я. Авто было моей несбыточной мечтой. Права мне дали ещё в конце десятого класса – школа была с автоделом, – а водить нечего. И не предвидится.

– Е-е-сть... – протянул Юрка, – мы с отцом ещё два года назад поставили!

– Опробовали машину?

– Только на просёлке.

– Чего так?

– У меня права только мотоциклетные. Отец на нормальную дорогу выезжать не разрешает.

Лёшка сонно зевнул:

– Вот интересно подсчитать. Если мы втроем пить не будем вообще и все деньги вместе в одну кубышку станем складывать, сколько нам времени понадобится, чтобы машину купить...

Меня вопрос поставил в тупик. Вместо того чтобы поржать вместе с Лёшкой и Юрастым, я и взаправду занялся расчётами. Доход мой известен. Повышенная стипендия – пятьдесят рублей, полставки лаборанта на кафедре – сорок без вычетов, а если с вычетами – тридцать два пятьдесят. Итого имеем восемьдесят два рубля пятьдесят копеек в месяц. Делим хотя бы три девятьсот – это если вот брать уродский «зাপор», – на восемьдесят два пятьдесят... В уме я считал бойко, спасибо школе, научили. Получается... по-

лучается... сорок семь месяцев с хвостиком. Значит, если я не буду жрать, пить и вообще не буду жить, а стану мумией под стеклом в Пушкинском музее, мне понадобится четыре года, чтобы только купить этого уroda! А «жигули», между прочим, вообще семь триста, а «волга» – страшно сказать! – девять пятьсот... И ни в какую очередь просто так на них не запишут, это вам не «за́пор» сраный. А на чёрном рынке, в автокомиссионках, бери и смело умножай все цены на два.

Конечно, через два года я окончу институт, стану настоящим врачом с настоящим дипломом, если не обосрусь, то даже с красным, и тогда мне положат зарплату – поначалу рублей сто или сто десять, плюс дежурства, да, может ещё какие-то коэффициенты добавятся, а потом...

– Потом суп с котом, – проснулся Джинни. – Будешь за ставки, переработки и подачки белкой в колесе прыгать и хуй наперегонки сосать. Хочешь жить? Жизнь иначе устроена... – Джинн помолчал, и следом добавил: – ...автолюбитель.

Я повернул голову направо. Из Машкиной «соньки»¹⁰ играла Абба¹¹. В комиссионке на Садово-Кудринской в соседнем доме с кафедрой биохимии такая модель неделю назад стоила восемь сотен рубликов.

– Вот и я говорю, – проворчал Джинн, – голову включай иногда.

Мне стало обидно за его слова. Хоть и понятно – не со

---

¹⁰ Переносной магнитофон японской фирмы SONY.

¹¹ АВВА – популярная группа 70-х.

зла он.

* * *

Даша жила с бабушкой. В скромной однушке, окнами на Перовский парк. Третий этаж без мусоропровода и лифта. Дашкину бабушку, Елизавету Петровну, я любил. Может, потому что своей бабушки у меня не было. Вернее, была, но недолго. А, может, потому что с того самого часа, когда я только-только переступил порог их дома, она относилась ко мне, словно к родному. Елизавета Петровна была мамой Дашкиного отца, погибшего совсем молодым на службе «при исполнении».

Мы с Дашуткой как-то поехали на Востряковское. С чёрного гранита на нас смотрело красивое молодое лицо с едва уловимо восточным разрезом миндалевидных глаз. Красавица Дашка получилась копией папы. Когда я приезжал, у Елизаветы Петровны внезапно находились срочные дела вне дома, и не на час-другой, а на день, а то – и два подряд.

– Ну, я поехала, а вы тут не скучайте! – смущённо улыбалась она, подслеповато щурясь, затаскивая на кухню раскладушку с комплектом постельного белья для меня.

Мы с Дашей чинно кивали. Я подавал Елизавете Петровне пальто, галантно целовал на прощание сухонькую пахнущую тонким парфюмом ручку. Лишь только за бабушкой затворялась входная дверь, Дашка с плотоядной ухмылкой распаивала дощатую дверь застекленной лоджии и с грохотом за-

кидывала туда не пригодившуюся мне ни разу раскладушку.

Моя «гостевая» идиллия продолжалась долго. Но шила в мешке не утаишь, и мне пришлось многое узнать. Я узнал, что доцент кафедры психиатрии, в последнюю летнюю сессию буквально вырвавшая меня на экзамене у другого препода – не кто иная, как Дашкина мама; просто у них разные фамилии. Узнал, что чёрная «чайка», по утрам привозящая её на работу – служебная машина её мужа, Дашкиного отчима, занимающего высоченный пост в угрюмом здании на Старой площади. Узнал, что отчима Дашка люто ненавидит, а в сводной сестре Катьке души не чает, и когда Катька приезжает в Перово, они как котята засыпают на диване, клубочком, обнявшись, а Елизавета Петровна подтыкает им одеяло – чтоб не раскрылись и, не дай бог, не простыли. Узнал, что у Дашки есть своя комната в громадной родительской квартире в Доме на Набережной, и что за прошедший год Дашка ночевала там три раза. И ещё узнал, что её мама плачет по ночам.

Тогда я понял: моё незапланированное появление в их жизни (салют, Ласточкина!); та позорная «пятёрка» на экзамене, где я сам себе поставил бы не выше трёх с минусом; почти мгновенное, молниеносное превращение Дашки из взбалмошной совсем залюбленной и почти загубленной родителями девчонки в молодую роскошную с каждым днём расцветающую женщину; наше с ней «одно на двоих всё», – вовсе не упрощало, а лишь усложняло и без того безнадеж-

ную ситуацию. И, как бы я ни старался, но был я бессилён сделать так, чтобы и мама, да и сама Даша – перестали плакать ночами.

* * *

На пересадочной станции предстояло торчать не меньше получаса.

– Курить хочешь? – спросил я Азата, протягивая почтатую пачку «явы явской».

– Давай покурим! – усмехнулся он, срывая целлофан с «Мальборо» в твёрдой коробке.

– Ого-о-о!.. – протянул я. – Откуда?

– В «берёзке» купил.

Азат и Мамед учились с нами только два семестра. Каждый год после третьего курса из ашхабадского меда в наш присылали «по обмену» депутацию лучших студентов на доучивание. Понятно, что «обмен» оказывался исключительно на словах – от нас в Ашхабад никто не ехал. Азат и Мамед были разные, как день и ночь. Азат – выше меня, здоровенный в плечах, сообразительный, улыбчивый, русский без акцента. Мамед – щуплый, смуглый, молчаливый, почти не говорящий по-русски; в его взгляде неприкрыто читалось «хорошо бы отрезать головы вам всем».

– Азат, откуда у тебя такой русский? – поинтересовался я. Раньше как-то не решался.

– Оттуда же, откуда и у тебя. У меня мама русская.

– А тогда ты кто – русский или туркмен?

– Отец – туркмен. И я – туркмен. А может, и нет. Миш, я не знаю.

– А ты на каком языке думаешь?

– На русском.

– Ну, вот видишь, какой же ты тогда туркмен?

– Настоящий. По имени и отчеству.

– А как твои имя и отчество?

– Азатберды Еламанович!

– Ну, тогда точно – туркмен. Слушай, а чего Мамед такой тихий?

– Говорит плохо.

– Почему?

– Из деревни потому что.

– А как же сюда попал, если плохо говорит? Он же не понимает ничего почти.

– Да хуй его знает, как попал. Я не спрашивал.

Мамед подошёл, через силу изобразил улыбку.

– Мамед, курить будешь? – Только покачал головой. Постоял немного, разглядывая носки ботинок, пошёл к девчонкам.

– Ему религия запрещает.

– Он что, верующий?

– Ну да.

– А как же комсомол?

– Да хуй знает как.

– А ты верующий?

– Нет, – рассмеялся Азат. – Атеист.

Подошёл поезд. Я бросил взгляд – и присвистнул.

– Чего? – не понял Юрастый.

– На крышу смотри.

– Смотрю. И чего?

– Пантографов нет. Дизель.

– Мы с приятелем вдвоём работали на дизеле. Он мудака, и я мудака. Да и дизель спиздили! – отрешённо гамлетовской строфой, продекламировал Лёхус. Случайно услышавшая Грязнова густо покраснела.

– В деревню, к тётке, в глушь, в Саратов! – голосом Кота Матроскина прошамкал Джинни.

Час с четвертью спустя трёхвагонный дизель, в котором кроме нас ехало всего-то человек двадцать, остановился у пустынной платформы.

– Гри-горь-евск, – нараспев прочитал платформенную табличку Лёшка. – Народ, слезай, приехали!

От жёсткой деревянной лавки у меня затекла и болела жопа.

На платформе возвышался сошедший из былин русоволостый богатырь. Увидев нас, суетливыми тараканами высыпавших на перрон, широко улыбнулся и сделал шаг навстречу.

– Студенты? Первый мед? На врачебную практику? Моя фамилия – Лосев. Я хирург-ординатор. Вот наш автобус, – и махнул рукой.

В отдалении, чадливо воняя горелым маслом, стрекотал коматозным мотором ржавый покосившийся «пазик».

– Что ж ты, милая, смотришь искоса-а-а, низко голову наклоня-а-а? Трудно высказать и не высказать, всё, что на сердце у ме-ня-я-я-а! – как резаный заверещал Джинн.

– Не, ну не сука ли ты, потусторонний! – рассвирепел я.

Глава 2

Распахнув настежь оба окна и дверь комнаты, самой последней по ходу коридора, разминая затёкшую поясницу, я вышел. Сел на подоконник в торце и залюбовался бликованием свежeweымытого линолеумного пола. Рядом, свидетельством невидимого и неизбежного моего подвига, – громоздилось ведро, едва ли не до краёв полнящееся грязнящей водой. Подле него гордо аккуратно покоилась свежеотжатая ошетилившаяся махрами мешковинная тряпка. Пусть проветрится, просохнет теперь.

– Что ж, не зря минуток двадцать с гаком, не сдаваясь, отстоял ты раком... – Джинни всегда умел уловить самую суть вещей. Экзистенциалист хренов.

Всё убранство нашей берлоги – Home, sweet Home! – на последнем, четвёртом этаже аккуратного длинного домика, выложенного снаружи замысловатыми кирпичными орнаментами, состояло из двух пар стоявших друг напротив друга покосившихся кроватей с пустыми продавленными металлическими сетками; четырёх тумбочек, стола на поражённых парезом алюминиевых ногах и почему-то сразу семи стульев с болтающимися фанерными сидухами и выщербленными в щепу спинками. Довершало картину когда-то бывшее лакированным типовое изделие советской мебельной недопромышленности «шкаф из ДСП трёхстворча-

тый». Нет, всё без обмана, дверей и было ровно три – но с оговорками. Одна, с петлями, вырванными с мясом, безжизненно стояла рядом, прислонившись от нелёгкой студенческой жизни к стене. «Не слон я!» – хохотнул Джинни; я не сдержал улыбки. Две другие дверки, словно бобрами обгрызенные по краям, по замыслу генерального конструктора фиксировались в закрытом состоянии криво вколоченными в вертикальные перекладины гвоздиками, исполнявшими, как я понял со свойственной мне проницательностью, роль поворотных защёлок.

Что ж мне оставалось? – рывком я открыл обе и окунулся в манящую неизвестность. В шкафу оказалось девственно пусто и совсем не девственно грязно. Я грустно вздохнул и снова намочил только что отжатую половую тряпку. В самом ближнем к боковой стене отделении на полу виднелся одинокий посылочный ящик. С настойчивостью исследователя пирамид Гизы я поднял фанерную крышку. В недрах ящика в забытии сбились в кучку расплющенная долгим тяжёлым трудом обувная щётка, почти пустая банка классического чёрного обувного крема да здорово попользованный, речным голышом закруглённый, брусок вонючего хозяйственного мыла. К стенке ящика под небольшим углом оставшаяся неизвестной добрая душа привалила две запечатанные пачки, склеенные из плотной серой бумаги – одну с пищевой содой, другую – с солью мелкого помола. Ещё там валялась на боку полулитровая плотно закрытая пробкой бутылка (я

открыл, понюхал: скипидар) а за содой оказались заначены три двойных упаковки отечественных презервативов ценой в четыре копейки каждая.

– Изделье номер два! Чтоб не болели головка и голова! – попытался подбодрить Джинни, но мне почему-то было совсем не смешно.

Я опять вышел, обернулся, чтобы притворить дверь за собой. На волнами пошедшей фанере, наплывающими древними потёками замалёванной грязно-серым, были пришпандорены две цифры – пятёрка и двойка. Пятёрка трагически болталась на одном шурупе кверху ногами. Вкупе с двойкой, бывшей в полном порядке, они образовывали несуществующий в природе иероглиф, смутно напоминавший символ параграфа. С лестницы в самой середине длиннющего коридора слышались шаркающие шаги. На фоне бликующего закатом окна противоположного конца коридора появился силуэт, двинувшийся в мою сторону.

– Летящей походкой ты вышла из мая!.. – пискнул Джинни.

– Фу, бля, джинн, да ты ещё и гомик? – приглядевшись повнимательнее, уел я распоясавшегося потустороннего.

– Привет! А ты случаем не знаешь, где тут взять отвёртку с шурупом или хотя бы молоток с гвоздём?

– Здорово-ово! – растянул в улыбке широкое круглое лицо приветливый невысокого роста щуплый парнишка лет пятнадцати, может, шестнадцати. На плече он бережно нёс боль-

шую коленкоровую папку – такие бывают у художников – с торчащими из неё рукописными нотными листами. – У меня есть, пошли. Я – Толя. Я тут рядом. А тебя как?

Толина дверь действительно оказалась почти напротив нашей «пятьдесят второй». Комнатёнка была маленькой, всего на две кровати, но, не в пример нашей, уютной. Во-первых, на окне висели чистые шторы, а подоконник украшали два горшочных цветка; во-вторых – кровати были ровно застелены покрывалами, а в-третьих – и это меня окончательно добило – по центру покрытого скатертью стола стояла эмалированная закрытая парой бумажных салфеток миска, недвусмысленно распространявшая вокруг запах домашних пирожков. Я, как собака Павлова, гулко сглотнул рефлекторно набежавшую слюну.

– Домой вчера ездил. Вот, маманя напекла. С картошкой и с рыбой. Хочешь?

В два укуса расправившись с пирожком и бесстыдно потянувшись за вторым, я понял: жизнь налаживается. Коля протянул шуруп-саморез и крестообразную отвёртку.

– Так вы и есть практиканты из больницы?

– Ага, мы и есть.

– Понятно. А я учусь тут. Второй курс. Закончил.

– Значит, уже третий, – сыто улыбнулся я.

– Ну да.

– А мы, если таким макарон считать, уже пятый.

– Что, последний?

– Нет, Толь. У нас шесть лет. Шестой – специализация. Терапия, хирургия, акушерство.

– А детских нет?

– Нет. Детские врачи – это на педиатрическом, а у нас общий лечебный. У нас педиатрического нет. Педиатры – во втором, а мы – Первый. А в Третьем, так и вообще стоматологи...

– Понятно.

Я в два оборота привернул на место болтавшуюся на моей двери цифру. Толя взглянул внутрь нашей комнаты, посмотрел на часы и вдруг торопливо сказал:

– Пошли, давай, быстро!

– Куда? – не понял я.

– На первый, матрасы, подушки и постельное получать. Без десяти шесть. В шесть кастеляншу поминай как звали, будете куковать на голых сетках.

Мы, стуча пятками, пропуская по две-три ступеньки, ссыпались с четвертого на первый и двинулись в такой же конец коридора, как и тот, где были наши комнаты тремя этажами выше.

– Налево смотри, – Толя махнул рукой, – наш сортир и душ.

– Не понял?

– Ну, мужской туалет и мужской душ.

– Опять не понял, – сказал я. – Я же воду в ведро набирал полчаса назад на нашем этаже. Там сральник здоровенный,

очков на шесть, и душевая тоже рядом.

Толя рассмеялся.

– Так ты ничего не знаешь?

– Нет, не знаю.

– У нас музпедучилище.

– Это что такое?

– Музыкальное педагогическое училище.

– И чего?

– У нас одни девчонки учатся. Ну, почти. Вон на моем курсе ребят двое, один из них я. На старших двух ещё пятеро. А на первом в этом году вообще ни одного пацана не было.

До моего жирафа через нечаянную сытость стало доходить.

– Так общага что – женская?!

«Не преминули, козлиц-то – да в самый огород...», встрял Джинн, причём с ударением на «о» – «кóзлиц».

– Ну да!

– Бл-л-лин, – протянул я, – а я в сортир и с ведром... Ещё смотрю, писсуаров ни одного нет. Пристроился в кабинку, дверь не закрыл.

– Повезло тебе – каникулы. На всю общагу тут теперь всего-то человек двадцать, кто работает летом в городе или ещё чего. Было бы другое время, поймали бы тебя девки, тумачков навешали... Они у нас такие, боевые!

– Вера Фёдоровна, здравствуйте, – начал Толян, пропус-

кая меня поперед себя в каптёрку. На угрюмую сову похожая Вера Фёдоровна уставилась немигающим взглядом в мою переносицу. – Это из пятьдесят второй, на практику в больницу.

– Знаю, – коротко бросила «сова», – докладывали. – Она перевела взгляд с моего лба в общую тетрадь. – Пятьдесят вторая, три человека. Принимайте.

На полу в углу стояли три матрасные скатки и лежали три голые все в тёмных пятнах подушки. На стуле рядом с совиным столом стопкой было сложено выдавшее виды бельё. От матрасов недвусмысленно пахло затхлостью и мочой.

– Толя, – обратился я к спутнику, выпроваживая его наружу – будь другом, подожди минутку в коридоре.

Когда дверь за ним закрылась, я, не обращая внимания на недоумённый взгляд «совы», развернул все три матраса. Так и есть – пятна, моча, грязь и вонь. Не спрашивая разрешения, опустил на свободный стул.

– Вера Фёдоровна, спасибо вам за постельные принадлежности. Дело в том, что мы врачи-практиканты. Вы ведь знаете?

– И что?!

– И ничего. Я сейчас всё это заберу наверх. Мы с коллегами как-нибудь перекантуемся на голых сетках с рюкзаками под головами, нам не привыкать, в стройотрядах похуже бывало. Но завтра утром, опять же, коллегиальным образом, здесь будет составлять протокол санэпидстанция.

Я замолчал.

– Ты самый умный? – злобно проскрипела «сова».

– Именно, любезная Вера Фёдоровна. Именно так, – подтвердил я. – Умнейший.

Несколькими минутами позже мы с Толяном тащили наверх пахнущие свежим ватином непользованные матрасы и подушки.

Едва я успел застелить кровати, в коридоре раздались топот и гогот. Дверь пятьдесят второй пинком распахнулась.

– Мужики, это Толян, он в комнате напротив нас.

Лёхус и Юрастый по очереди пожали вялую потную Толину ладошку.

– Ну, чего там?

– Всё плохо, Михалыч, – хмыкнул Юрка.

– Всё плохо, Дёма, – дополнил Лёшка. – Короче. Будем худеть. В магазине шаром покати. Хлеб серый вчерашний, яйца-бой в банках и те мы последние взяли, маргарин, ну, крупы кой-какие. Ещё шпротный паштет...

– А пожрать-то что?! – перебил я.

– А пожрать – всё. Лапу сосать, – подхватил Юрастый. – Лось же в автобусе сказал: обедать будем в больнице, ну и ещё, кто на дежурстве, тот на круглосуточном гособеспечении.

Вспомнив Лисёнка, стоявшую на «Новогиреево» с двумя набитыми жратвой чемоданами, я против воли сглотнул опять набежавшую голодную слюну.

– Зато бухла нормального – выше крыши! В Москве такой сортамент днём с огнём не сыщешь! – Юрастый задумчиво причмокнул губами. – «Алазанская долина» бэ-э-лая, «Алазанская» крас-с-ная, ликёры, коньяк армянский три звёздочки, Миха, не поверишь! – ереванского разлива, без бодяги!

– Ну да, – встрял Толик, – тут такое не пьют.

– А что пьют? – спросил я.

– Самогон из картошки гонят. Водяру, естественно. И одеколон, – тут Толик замешкался. – Но это последнее дело уже, это если совсем припрёт.

– Самое последнее – это политуру высаливать, – поделился я с Толяном знаниями по общей токсикологии.

– Короче, мы взяли, – Лёшка уважительно кивнул на сумку. – Я пойду у девчонок тарелок стрельну, если есть...

– У меня есть! – опять встрял Толик.

– Ну, всё равно схожу, посмотрю, как они устроились. Юрк, давай, пожарь яичницу из этого боя, а то, не ровён час, стухнет.

– Говно вопрос, – согласился Юрастый. – Только сначала смазать бы надо.

– Конечно! – подытожил Лёшка. – Мих, сходи, ашхабадских пригласи, а то сидят там сычами. Нехорошо без них. – Я было собрался за Мамедом и Азатом, но тут дверь открылась. Они меня опередили.

– Вот, докторская, – Азат извлёк из пакета полбатона колбасы по два-девяносто.

– Запасливый, – заржал Юрастый.

Мамед молча аккуратно положил на стол сверток. Я принюхался. Из недр пергаментной скрутки исходил божественный аромат.

– Бастюрья. Нашь мяса, вялений. Отэц делаль.

«Жизнь налаживается, гурманы?», неизобретательно подъебнул Джинни. «А хули ты думал?!», гордо парировал я, а вслух спросил:

– Толь, пить будешь?

– Буду! – пискляво чирикнул Толян, возникая на пороге с уже известной мне эмалированной миской.

Только мы выпили по первой, как дверь отворилась, и чуть ли не строем зашли Бабочка, Лисёнок, Маша Сапожникова и Грязнова. Трое первых были с ломящимися от жратвы тарелками, а Вера Грязнова бережно несла Машунькину «соньку» и стопку кассет.

– У вас комната большая, а у нас-то совсем тесно, – сказала Лисёнок, расставляя еду по столу. – Лёш, пойдём к нам за вторым столом и стульями, а то всем места не хватит.

– Лёша, Лёша, не надо, я вместо тебя схожу! – прыгнул со стула Толян. – Девушки, ваш номер какой?

Я сидел слева от пахнувшей чем-то неземным Машуни.

– Ты знаешь, что у нас с тобой первым циклом – роддом? – её щека почти касалась моей.

– Не, Маш, не знаю. Мне никто ещё не говорил.

– Ну, считай, что я и сказала.

– Так это завтра с утра – прям туда?

– Нет, утром всем к главному врачу, на вводную.

– Вот-вот, Цэ-У и Е-Бэ-Цэ-У¹² для дебилов, получите и распишитесь! – гоготнул Джинни.

Девчонки быстро поклевали, словно птички, и пошли к себе – «мальчики, поздно уже, мы устали, завтра рано вставать». Азат с Мамедом тоже ушли. Остались вчетвером – мы трое и Толян. Я с досадой смотрел на кучу жратвы на столе. Ведь не осилим же, а холодильника нет – испортится. Не дело это.

Толян понял меня без слов:

– Есть холодильник.

– Где?

– В буфетной на первом. Буфет закрыли на два месяца, пока каникулы, всё равно общага пустая. Но у меня ключ есть.

– Я смотрю, ты тут вообще – кум королю, – засмеялся Лёшка. Толян только смущённо улыбнулся.

Дверь открылась.

– Толян, я к тебе, а тебя нет. Слышу, твой голос отсюда.

Здравствуйте всем!

На пороге стоял статный чернявый молодой парень, в вэдэвэшном тельнике, почему-то со стариковской палкой в левой руке.

– Да-да, Артур, да, я сейчас, добрый вечер!.. – Толя стал

---

¹² Ценные Указания и Ещё Более Ценные Указания.

суетливо выбираться из дальнего угла, где он сидел, зажатый между тумбочкой и столом.

– Заходи, садись, в ногах правды нет! – обратился к незнакомцу Лёшка. – Я Алексей. Вот Миха, это Юра, – и, не дожидаясь ответа, наплеснул армянского в чистый стакан, поставив его на стол перед пустым стулом.

Артур сделал шаг. Раздался странный звук, такой, какой бывает от модных офицерских сапог «со скрипом». Сделал, едва помогая себе палкой, второй – звук повторился. На Артуре не было сапог – только выдавшие виды кроссовки; они уж точно звучать не могли. Перехватил мой недоуменный взгляд:

– В ногах правды нет. Потому я вправду – здесь, а нога там осталась...

– Он автомеханик от бога, – шептал мне на ухо Толик, – любую машину с закрытыми глазами разберёт-соберёт.

– А чего у тебя с ним?

– Сестру на фортепиано учу, но сейчас не учу, сейчас каникулы. А так я у него денег занимал, так вот, отдал.

– А с ногой что?

– Оторвало.

– Где?

– В Афганистане.

Почему-то стали пить быстро, особо без разговоров, зачастили.

– Это всё? – спросил Артур, глядя, как Юрка миллимет-

ражно разливаает по стаканам остатки портвейна.

– Ага, – сказал я.

– Нет, не всё, – твёрдо отчеканил Артур. – Пошли.

Не дожидаясь нас, встал, открыл дверь, тяжёлой поступью заскрипел по коридору к лестнице. Мы двинулись следом. На улице толком ещё не стемнело, было около полуночи, может, половина первого. Артур направился к небрежно брошенному чуть ли не посреди улицы ижевскому четырёхста двенадцатому «москвичу», слегка покачнувшись, вонзил ключ в водительскую дверь. Грузно упал на сидение, открыл все замки:

– Садитесь! Толян, ты самый мелкий – тебе или сзади посередке, или в багажник.

– А как зажопят? – шепнул я усевшемуся чуть ли не у меня на коленях Толику.

– Так его дядька – начальник милиции. Менты этот «москвичок» десятой дорогой объезжают.

Артур завёл двигатель, тот совсем не по-москвичёвски, как-то утробно, с бульканьем, зарычал.

– Прямоток, – изрек он неведомое мне слово, – сам варил.

Машина, взвизгнув покрывками по асфальту, тронулась и, резво набирая скорость, понеслась по пустым тёмным улицам, виляя жопой, жгя резину и не обращая никакого внимания на редкие красные огни светофоров. Скоро выехали за город, помчались по прямому шоссе. В тусклом свете фар налетали какие-то белёсые тени, бились и размазывались о

любовое, отлетали по сторонам.

– Вот же сар-р-ранча, – раскатисто рыкнул Артур, – ты их давишь-давишь, а они всё лезут и лезут, – и добавил, – совсем как люди.

В тёмной стрёмной деревне Артур остановил у одного из крайних дворов – «Только, пошли!» Глухо и злобно заворчала собака. Зажглось окно. Артур поздоровался. Приотворилась входная дверь, Толя споро подхватил обеими руками опалесцирующую в свете невыключенных фар солидную бутылку.

– Первач... – выдохнул Юрастый. Нам пиздец, обречённо подумал я.

– Похоже, других вариантов здесь нет... – стоически вздохнул Лёшка.

– Посошок, – мрачно сказал Артур, устраиваясь за рулём, укладывая клюку между дверью и сиденьем, – посошок на дорожку. Господа офицеры, посуды нет. Будем, как учили в Красной армии – из горла.

Что ж, ты, умник, молчишь, задал я немой вопрос – давненько тебя не слышали. «Чуть что – так сразу Косой!», смущённо прошептал Джинн. Но вдруг голос его окреп: «Моё дело – воспитывать детей, а не бегать с вашими жуликами по Советскому Союзу!». Молчал бы уж, Хамлёт, принц поддатский, поставил я точку в дискуссии.

Тем временем мы целыми и невредимыми вернулись домой. Я больше не пил. Не потому что не мог. Не потому что

не хотел. А потому что устал. Не то чтобы физически, нет, всё ощущалось как-то глубже – и безнадежнее. Я кожей чувствовал: автобус моей жизни поехал куда-то не туда. Не на много, не очень далеко ещё уехал, но уже видно, – себя-то не обманешь. Странное чувство; оно посетило меня впервые. И надо же, чтобы это случилось именно сейчас! Комната, заполненная клубами дыма, гудела. В ней бухали, орали, гремели стульями, выходили в сортир, возвращались, что-то жрали, травили анекдоты. С Артура, похоже, слетела тоска – он, нежно обняв здоровенного Лёхуса за мощные плечи, что-то увлеченно рассказывал. Ставшая ненужной палка валялась у стены. Толян птичкой на жёрдочке, аккуратно зажав тремя пальчиками-коготочками рюмку, то и дело клевал носом, не обращая внимания на Юрастого, оседлавшего коронную поэтическую тему, читавшего ему наизусть бессмертные строки:

*Блажен, кто смолоду ебёт
И в старости спокойно серет,
Кто регулярно водку пьёт
И никому в кредит не верит!*¹³

Я первый раз за вечер присел на свою кровать. Открыл рюкзак, отвернулся к стенке и украдкой вытащил Дашин мешочек. Потянул завязки. На меня узкоглазой чукчанской

---

¹³ Иван Барков, «Лука Мудищев».

физиомордией тарасилась маленькая деревянная фигурка. Я никогда её раньше не видел, но моментально понял, что это. Когда Даше было пять, отец вернулся с Севера и подарил ей деревянного чукчонка. А шестилетие Даша встречала уже без папы.

Встал, открыл шкаф, положил фигурку во внутренний карман потёртой польской джинсовой куртяшки и крепко-накрепко застегнул молнию. Теперь чукчонок мог пропасть лишь в одном случае: если пропаду я сам.

Тем временем, разгул не заканчивался. Пойду к Толянычу, у него вторая койка – свободная. Там хотя бы тихо. Я, разминая затёкшие ноги, шагнул в коридор и, прежде чем окончательно стать на якорь, побрёл в сортир – естественно, не в «свой» нижний, а в женский на другом конце. Было поздно, пусто, темно и одиноко.

* * *

С неприсущей маниакальной скрупулёзностью вымыв руки на три раза с мылом, вышел из туалета и побрёл обратно. Раздался тихий скрип. Прямо передо мной на стене справа образовался яркий прямоугольник – это слева открыли дверь. Я сделал ещё один шаг и повернулся к источнику света. В проёме двери – нога за ногу, локтём опёршись о косяк, разметав по плечам роскошную мелким бесом закурчавленную шевелюру, нагло мне улыбаясь, стояла смуглокожая девчонка. Наши глаза встретились, и она спросила:

– Молодой человек, конфету хотите?

– Какое у тебя странное имя – Конфета! – брякнул я в ответ и сделал шаг вперёд, закрывая дверь за собой.

Коварный французский замок обречённо защёлкнулся. «Народ к разврату готов», вспомнилось мне. Джинну же было откровенно на всё наплевать. Он просто спал.

* * *

Придя домой в четыре, я обнаружил свои кроссовки подвешенными к потолочным фонарям. Не то чтобы потолки в общежитии сильно высоки, но со стула до болтавшихся кроссовок я дотянуться не смог. Да и никто бы не смог, если только он не баскетболист! Значит, чтобы соорудить гирлянду из моих новых белых приличных обуви, эти умники где-то раздобыли стремянку! Оба-два массовика-затейника досматривали десятые сны. Недолго думая, я вышел из комнаты и поскрёбся пару раз в дверь напротив.

Сонный Толян во фланелевых пижамных штанишках с ёлочками и зайчиками открыл мне, не размеживая век и не приходя в сознание.

– А?..

– Толюнь, – медленно на ушко прошептал я, – мне стремянка нужна. Где взять?

– Пойдём, – так же тихо отозвался Толяныч и пошатываясь со сна и похмелья выкатился в коридор.

– Стой, Толюнь...

– А?..

– Стой тут.

По всем правилам на трансцендентное Толюнино «а...» следовало отвечать «хуй на!..» – для закрытия гештальта, – но мне было не до соблюдения психотерапевтического протокола. Я снова зашёл в Толину комнату и вытянул испуганно выглядывавшие из-под кровати его домашние тапочки.

– Толь, обуйся.

– А...

Сомнамбулически летающий от стенки к стенке перегарно-огнедышащий юный Толик всё же довёл меня до цели. Стремянка приткнулась к стенке на первом этаже у двери в подвал. Благородный Толян порывался помочь в подъёме лестницы по лестнице, но я не принял жертвы. Уложив беднягу досыпать, бесшумно, чтобы не разбудить «своих двоих», я устойчиво поставил лестницу и восстановил контроль над кроссовками. Вернув штурмовое оружие на место, взглянул на часы: у меня оставалось два часа для сладкого безмятежного детского утреннего сна. Быстро разделся, аккуратно повесил шмотки на стул. С наслаждением приземлился на свежие, ещё никем ни разу не использованные простыни, потянулся, зевнул, лёг на бок и закрыл глаза.

Сон не шёл. Минуту, пять, десять. Считать овец и слонов бесполезно: со мной это не работает. Обманывать себя – тоже. Значит, пора вставать.

– Не играть! Не пить! Не воровать (без меня)! – пожелал

доброе утра выспавшийся бодрячок Джинни.

«Пятьдесят вторая» являла картину мамаева побоища. Бутылки – конечно же, пустые, и не надейся! – катались по полу, валялись под столом и на столе. Остатки закуски образовывали рельеф пересечённой местности на разбросанных по столу тарелках. Стаканы и рюмки, мечта криминалиста, хранили наблюдаемые невооружённым глазом отпечатки пальцев участников вчерашнего непотребства. Довершали картину невесть откуда взявшиеся – по крайней мере, для меня – арбузные корки. Ими кто-то остроумный выложил на полу простое до боли родное слово. Для создания надстрочного знака в последней, третьей литере автор использовал фигурно формованную в полумесяц молодыми крепкими зубами винтовую пробку от коньячной бутылки: это было по-нашему!

Я оделся, открыл шкаф, выудил пачку питьевой соды – вот и настал твой черёд, дорогая, кто бы мог подумать, что так скоро, – и споро двинулся на кухню. Там было грязно и пусто. Поставив сразу два чайника, алюминиевый и эмалированный со слоником, – стал не спеша, рейс за рейсом, перетаскивать грязную посуду. Вода закипела. Я забросил в таз полстакана соды, щедро добавил найденного уже на месте горчичного порошка. Залил кипятком, чуть разбавил холодной, свалил грязную посуду, и, забив на правила приличия, пошёл в женский душ.

Нет в мире такой женщины, что в здравом уме и твёрдой

памяти ползет в душ в пять утра. В пять любая женщина – норвежка или конголезка, королева или служанка, язычница или протестантка, натуралка или би, – будет спать, и ничто не вынет её из объятий Морфея. Поэтому никто не нарушил моего покоя, не обрушил на голову скалку, не отвесил пинка под мягкое – на самом деле, не очень – место. Я прыгал, скакал; фыркая, ловил кайф под едва тёплой, но в щедром избытке лившейся с потолка прекрасной водой. Живой, возрождающей, омывающей, дарящей прохладу и надежду хоть на какую-нибудь бодрость.

Выйдя из душа и с трудом натянув упирающиеся штаны на худые мокрые ноги, я вернулся на камбуз и без усилий отмыл всю посуду – после жёсткой химобработки это стало абсолютно плёвым делом. Побросал скрипящие под пальцами тарелки и стаканы в таз, да и пошёл в свой конец коридора.

– Скучно без водки! – хрюкнул изнутри прямо в левое ухо Джинни.

– Ты задолбал «Джентльменами удачи»! Смени пластинку!

– Слушаю и повинуюсь... – с обидой вздохнул хранитель.

В семь, выпив пока ещё не иссякшего в запасах растворимого кофе на крутом кипятке с сахаром и съев по бутерброду с пока ещё не опротивевшим, но уже напоминающим оконную замазку шпротным паштетом, мы вышли на улицу. Оказались первыми. Недолго думая, уселись рядком на длинном трёхступенчатом крыльце.

– Ты где шлялся, хóдя? – хитро поглядывая в мою сторону, попытался докопаться Юрастый.

– Где надо, – хмуро огрызнулся я. – В следующий раз я твои ботинки к люстре пришпандорю, умник!

– Ладно вам, девочки, не ссорьтесь! Мир, дружба, жвачка! – нежно проворковал Лёшка.

– Не, ну как излагает, падла! – заржал я.

– Учись!.. – давясь от смеха, выдохнул Юрка.

* * *

В больницу мы выдвинулись, построившись «свиньёй». Пoblёскивая модными очками, возглавляла грозный клин Машуня: в её блокноте наверняка уже был заранее составлен план местности с тайными знаками, направлявшими наше передвижение. Следом шли Лисёнок, Бабочкина и Вера Грязнова. Замыкали колонну пятеро имевшихся в наличии мужчин. Попадавшийся навстречу народ оборачивался вслед.

– Так, – трогательно наморщила лоб Машуня, – смотрим. Ага, памятник Ленину.

Выкрашенный серебрянкой приземистый чем-то похожий на резко схуднувшего борца сумо Ильич попирал неровно оштукатуренный облупленный пьедестал, широко расставив ноги, засунув пальцы левой руки за обшлаг сюртука и указательно выкинув правую в надвигающийся на всех нас горизонт.

– Значит, нам сейчас налево и с полкилометра прямо. Понятно. – Маша поправила очки. – Миш, ты видишь, куда его рука выставлена?

– Вижу.

– Ну, так вот. Ей он показывает чётко на роддом! Нам с тобой потом туда.

Взвизгнув резиной, рядом с нами притормозила бликующая на солнце новёхонькая оранжевая жигулёвская «шестёрка».

– Пап, спасибо, ну, я побежала! – роскошная пышногрудая блондинка «а-ля Чиччолина», упруго потрясая небесной красоты задницей, затянутой в «супер-райфл», выскочила с переднего пассажирского сидения, открыла багажник, достала чемоданчик, тут же бросила его на тротуар и принялась целоваться с девчонками.

– Ирка, ты где была? Мы думали, ты уж и не приедешь! – по очереди обнимались те с Алеевой.

– А что тут ехать? Тридцать километров всего! – щебетала довольная Ирка.

Азат тем временем подхватил Иркин чемодан.

– Дон Жуан, – скабрёзно вполголоса ухмыльнулся Юрасый.

– Юр, а вот тебе лишь бы подначить! – не сдержался я. «Ага! Мочи каз-з-злов!», согласился Джинн.

Азат был безнадёжно влюблён в Алееву. Точно так же, как не так давно я в Марину Ласточкину. Но была разница:

у меня наваждение схлынуло, а у него – длилось и длилось, уже перейдя в хронь. То, что всё оно напрасно, было понятно всем. Всем, кроме него. Во-первых, Алеева была богатой, нет, – богатейшей невестой. Иркины родители в конце пятидесятых, закончив стоматологический в какой-то дыре, приехали в Воздвиженск с одним чемоданчиком на двоих, а вскоре стали самыми дорогими стоматологами в городе – что по терапии, что по ортопедии, что по хирургии. Во-вторых, Алеева романтического Азата элементарно в упор не видела (салют, Ласточкина!). А, в-третьих, у неё испокон веку был жених; ещё с тех пор, когда они вместе ходили в одну детсадовскую группу, а потом и в один школьный класс. Егор появлялся в Москве редко, на наших попойках бывал и того реже, но каждый раз его приезд становился праздником для всех: такого обаятельного, сильного, красивого и бесконфликтного мужика надо было ещё поискать. Ирка уже нашла и менять выбор совершенно не собиралась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.